

Приѣхалъ къ намъ Кавелинъ изъ самарской степи 15-го августа и пробылъ у насъ дней 7—8. Впервые видѣлъ я его среди его семьи, и не могъ нарадоваться, глядя на дружескія отношенія между нимъ и Соней. Онъ утѣшался своею дочерью, и незамѣтно проходили дни за днями въ его одушевленныхъ бесѣдахъ. Самъ онъ былъ бодръ духомъ и съ надеждой и упованьемъ смотрѣлъ впередъ, походя на того Кавелина, какого я узналъ впервые пять лѣтъ тому назадъ. Какъ и въ прежніе приѣзды, онъ много разговаривалъ съ моимъ отцомъ—все на старыя темы: объ освобожденіи крестьянъ, о земствѣ, о положеніи дворянства, о значеніи провинціи въ современной русской жизни. Свои мысли о русской провинціи и объ отношеніи ея къ столицѣ, которыя развивалъ тогда въ разговорѣ съ моимъ отцомъ, онъ высказалъ въ небольшой газетной статьѣ подъ заглавіемъ: „Съ Волги“ ¹⁾.

„Нехорошо засиживаться въ Петербургѣ,—писалъ онъ,—а еще того хуже жить въ немъ безвыѣздно. Какъ разъ, самъ того не замѣчая, сложишься въ мѣстный, петербургскій типъ, котораго отличительная черта—не имѣть никакого типа, и станешь смотрѣть на Россію съ точки зрѣнія мѣстныхъ, петербургскихъ кружковъ, преслѣдующихъ, подобно всѣмъ кружкамъ въ мірѣ, свои ближайшія практическія цѣли. Кто хочетъ знать, чтó дѣлается въ Россіи, тому необходимо почаще освѣжаться поѣздками внутрь страны, почаще вырываться изъ узко-очерченной журнальной и нежурнальной среды, плавающей поверхъ русской жизни, изъ заколдованнаго круга разныхъ миражей, траурныхъ и радужныхъ, и окунаться въ глубь дѣйствительности, не поддающейся никакимъ односторонностямъ, живущей какъ-то помимо всякихъ взглядовъ и потому освѣжительной своею правдой.

„Мысль и жизнь, взглядъ и дѣйствительность—вѣчныя противоположности, а у насъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь! Гдѣ же правда и въ чемъ же она? Странное дѣло! У насъ теперь можно, до нѣкоторой степени, переносить дѣйствительную жизнь въ печать: заваленный путь къ роднику вскрытъ и нѣсколько расчищенъ; а родникъ все не бьетъ ключомъ, все струится подъ землей, въ какихъ-то темныхъ переходахъ, невидимо для глазъ. По прежнему жизнь остается нѣмою и безгласною, по старой ли привычкѣ, или почему-либо другому,—ужъ я, право, не знаю. Но чувствуется, что она какъ-то не оживляетъ и не согрѣваетъ наши мысли, нашихъ взглядовъ, нашей печати. Рѣдко, рѣдко когда плеснетъ изъ нея живой струей въ измышленный, натянутый строй нашихъ

¹⁾ Напечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ“, 1866, № 254.